

DOI: 10.15372/HSS20180415
УДК 94 (100+47)"1914/1918"

М. В. ОСЬКИН

ВЕТЕРИНАРНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Институт законоведения и управления
Всероссийской полицейской ассоциации,
РФ, 300028, г. Тула, ул. Болдина, 98

Рассматривается ветеринарное обеспечение конницы в действующей русской армии в период Первой мировой войны. Высокие качественные характеристики конницы способствовали укреплению боеспособности русских войск. Кавалерия была наряду с пехотой и артиллерией одним из основных видов вооруженных сил. Помимо конных подразделений, армия имела лошадей в обозах, широко используя гужевой транспорт в ходе войны. Ветеринарное обеспечение лошадей и войсковых гуртов скота на фронте являлось одним из важных аспектов полноценного функционирования армии. Автором показано, что в русской армии была выстроена стройная система ветеринарной службы, позволявшая своевременно лечить животных, а также вести профилактическую работу.

Ключевые слова: военный ветеринар, конский состав армии, войсковые гурты скота, гужевой транспорт.

M.V. OS'KIN

THE VETERINARY CARE OF THE RUSSIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR

Institute of Jurisprudence and Management
of the All-Russian Police Association,
98, Boldina Str., Tula, 300028, Russian Federation

The article is devoted to the veterinary care of the Russian army during the First World War (1914–1917). The horse corps' quality in the army was an important part of the military activities of the Russian troops. The cavalry, military baggages of infantry units, the artillery unit, horse-drawn vehicles of the nearest rear – all these horses needed veterinary care. An integral part of such care was animals' treatment, bringing them up to necessary conditions to serve in the armed forces and epidemics prevention. Therefore, the veterinary unit of the front needed skilled doctors and paramedics, as well as the material equipment of veterinary facilities.

A significant number of cavalry formations in the troops and the massive use of horses as transportation required veterinary care. Horses suffered from injuries, malnutrition, illnesses and sometimes epidemics in military terms. Military vets were responsible for struggling such phenomena, they performed their duty in spite of the constant staff shortage. As the war dragged on, a coherent system of veterinary services was built up in the Russian army allowing timely treatment of animals, as well as carrying out preventive works.

In addition to horse units of the army, military veterinarians were responsible for maintaining cattle supplied for the troop allowance. Various animals were transported to the front alive, for example, cattle, sheep, and pigs. Most of them were sent to the military expenditure droves, where there was a veterinary examination, necessary treatment and slaughter.

Preventing diseases of animals intended for slaughter was an important task of the veterinary service. Purchases of foreign livestock for the army in various Asian countries exacerbated the fight against epizootics through vaccination. In general, the veterinary and sanitary supervision was carried out quite successfully complicated only by the lack of necessary people, food for animals, transport facilities. However, the dedicated work of the military veterinarians supported by the rare efforts managed to prevent mass disease and death of horses and cattle at the front during the war. It greatly contributed to the success of military operations.

Key words: military vet, army horse units, military livestock herds, cartage.

Максим Викторович Оськин – канд. ист. наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин, Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, e-mail: maxozv@yandex.ru.

Maxim V. Os'kin – candidate of historical sciences, assistant professor, Department of Humanitarian and Socio-Legal Disciplines, Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian Police Association.

В годы Первой мировой войны (1914–1918) численность конницы в армиях воюющих государств постепенно сокращалась, однако конские обозы, несмотря на широкое применение автомобильного транспорта и узкоколейных железных дорог, как и раньше, обслуживали войска. Это обуславливалось как нехваткой автомобильного и железнодорожного транспорта, так и особенностями местности, где часто использование гужевого транспорта оказывалось эффективнее. Техника позволяла сберечь животных, необходимых на передовой. Периодически возникавшие затруднения со снабжением войск устранялись с проведением конных и паровых узкоколейных железных дорог. Когда узкоколейки выручали с подвозом, конский состав обозов в это время отдыхал и усиленно откармливался перед наступлением¹.

Из вступивших в войну великих держав автомобильным и железнодорожным транспортом в наименьшей степени оказалась обеспечена русская армия. Поэтому значение ветеринарной службы для русских вооруженных сил было особенно важным в годы Первой мировой войны. Резкое увеличение численности лошадей в действующей армии должно было повлечь за собой и расширение ветеринарной службы. Согласно справке военного министра, к 1 апреля 1914 г. в армии состояло 172 588 лошадей, а к 1 января 1916 г. – без Кавказской армии и гарнизонов тыла – уже 1 476 210². К 1 сентября 1917 г. в действующей армии находилось 3 164 тыс. лошадей – 470 % от их количества в начале войны³.

Ветеринарные службы отвечали не только за конский состав, но и за сохранность поставляемого на фронт скота. Русская действующая армия в ходе войны более ½ всего мясного пайка получала в виде живого скота, что объяснялось слабостью отечественной мясоперерабатывающей промышленности, консервного производства и недостаточным количеством вагонов-холодильников, позволявших круглогодично обеспечивать армию мясом.

Ветеринарное управление армии с начала войны до 5 июля 1917 г. возглавлял Главный военно-ветеринарный инспектор А.М. Руденко (затем его сменил А.А. Петров), напрямую подчинявшийся военному министру. Руководство ветеринарной службой в действующей армии осуществляли начальники ветеринарной части от фронтового до полкового уровня, а в военных округах – окружные военно-ветеринарные инспекторы, являвшиеся начальниками окружных военно-ветеринарных управлений [1, с. 458].

По штату мирного времени, в русской армии состояло 740 ветеринарных врачей и 2 195 ветеринарных фельдшеров, однако с постоянным ростом численности армии некомплект войсковых ветеринаров, достигший четверти наличного числа специалистов, лишь увеличивался. Причина крылась в слабой кадровой обеспеченности ветеринарного дела в Российской империи. Накануне войны в Европейской России земства имели около 400 ветеринарных лечебниц, 1 374 ветеринарно-врачебных участка и 2 638

ветеринарно-фельдшерских пунктов [2, с. 213–214]. Ветеринарных специалистов давали лишь 4 ветеринарных института – в Харькове, Юрьеве, Казани и Варшаве, а также ветеринарное отделение Петербургской медико-хирургической академии. С 1903 по 1912 г. было выпущено 2 314 ветврачей, а их общее количество составило 4 142 ветврача и 6 828 ветфельдшеров [3, с. 178, 204].

Для восполнения штатов в действующей армии требовалась привлечь тыловых специалистов, но ветеринаров в стране не хватало даже в мирное время⁴, и потому 12 мая 1916 г. министр земледелия А.Н. Наумов распорядился «всемерно озаботиться» об освобождении от призыва в действующую армию всех ветеринаров⁵. Буквально каждый ветеринар оказался на счету. К примеру, летом 1916 г. для закупок скота в Херсонской губернии из Минска откомандировали ветеринарного врача Лазура. Когда штаб Минского военного округа потребовал его обратно, то с ходатайством о продлении командировки выступил главноуполномоченный Министерства земледелия Н.А. Мельников⁶.

Ветеринары работали для армии не только непосредственно на фронте, но и в тылу. Не следует забывать, что обслуживать конские эшелоны и вагоны со скотом требовалось своевременно, до прибытия на фронт. Поэтому рекомендовалось «для сопровождения конских эшелонов и наблюдения за правильным уходом и питанием лошадей в пути» назначать ветврачей, следующих в армию⁷.

Ветеринарная лечебно-эвакуационная сеть в армии представляла собой следующую систему: передовые лазареты – обозные – корпусные этапные – армейские этапные – фронтовые этапные лазареты и пункты слабосильных лошадей. Соответственно, полевые ветеринарные учреждения распределялись: а) во фронтах – фронтовые этапные ветеринарные лазареты, полевые ветеринарные аптеки и лаборатории; б) в армиях – армейские этапные ветеринарные лазареты и ветеринарные дезинфекционные отряды; в) в корпусах – корпусные этапные ветеринарные лазареты и отделения дезинфекционных отрядов; г) в войсковых частях – передовые и обозные ветеринарные лазареты [4, с. 32, 40, 43]. Командование постоянно дополняло систему ветеринарного обслуживания. Например, приказом № 47 от 5 октября 1914 г. Верховный главнокомандующий (Главком-верх) великий князь Николай Николаевич разрешил комендантам крепостей формировать этапные ветеринарные лазареты в крепостях⁸.

Инфраструктура лазаретов создавалась в расчете на удовлетворение любых запросов войск, связанных с лечением лошадей. В ветеринарных лазаретах тыла и этапных лазаретах находились баня для чесоточных лошадей, центральная аптека и отдельные аптечки каждого отделения лазарета, учебная кузница, шорная, колесная, слесарная, портняжная и плотницкая мастерские. Имелись следующие отделения: хирургическое, кожное, карантинное, изолятор (для отбра-

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2053. Оп. 1. Д. 31. Л. 59 об.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1294д. Л. 4.

³ Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1528. Л. 1.

⁵ Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. Л. 2.

⁶ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 21. Л. 91.

⁷ Там же. Д. 343. Л. 31.

⁸ Там же. Оп. 2. Д. 1276. Л. 141.

кованных и предназначенных к продаже лошадей), бактериологическая лаборатория⁹ (не всегда имела).

Специальных ветеринарных лазаретов для заболевших заразными заболеваниями лошадей не было вследствие их дороговизны и, кроме того, опасались, что такие лазареты могли стать очагами заразы. В частях сооружались «совершенно легкие из жердей и досок навесы, прикрытые с боков рогожами или соломенными матами, и над такими навесами, устроенными, по возможности, в отдельных местах от общих конюшен и ветеринарных лазаретов, где размещались заболевшие лошади. По ликвидации эпидемии шалаши сжигались, и тем самым болезнь окончательно ликвидировалась, не создавая для будущего гнезд заразы»¹⁰. Основной формой превентивной борьбы с заболеваниями была вакцинация, несмотря на ее дороговизну: цена одной порции сыворотки равнялась цене пуда хлеба – 1 руб. 15 коп. летом 1915 г.¹¹

Ветеринарных лазаретов на фронте было недостаточно, и поэтому для поправки здоровья слабых, истощенных и больных, но еще годных для службы в армии лошадей создавались пункты слабосильных лошадей [5, с. 112]. Затем в помощь им стали формироваться питательные пункты (корм эвакуируемых лошадей, а равно и поставляемого в войска гуртового порционного скота), подкормочные пункты («для слабосильных лошадей, жеребых маток и молодняка»¹²), ветеринарно-дезинфекционные отряды (борьба с заразными болезнями и утилизацией трупов животных), а затем и ветеринарно-бактериологические лаборатории (для недопущения распространения эпизоотий в стране после демобилизации)¹³. Для вакцинации требовались доноры. Так, в конце 1915 г. бюро по объединению мер борьбы с заразными болезнями на юге России при Екатеринославской губернской земской управе возбудило ходатайство об освобождении от реквизиции для армии «сывороточных лошадей, принадлежащих ветеринарно-бактериологическим лабораториям». Военное министерство 4 декабря согласилось на этот шаг «при условии составления подробных именных списков таких лошадей»¹⁴.

Первоочередной задачей ветеринарной службы действующей армии являлось лечение конского состава войск. По расписанию 1910 г. передовые ветеринарные лазареты должны были насчитывать 621 единицу, а к 8 августа 1915 г. было развернуто 812, обозных лазаретов – 304 (462), этапных – 94 (132), ветеринарно-фельдшерские аптек – 2 696 (3 347)¹⁵. Казалось бы, было сделано больше, чем предполагалось. Но и этого количества для громадной армии, постоянно имевшей в своих рядах около 2 млн лошадей, не хватало, что влекло за собой повышенную смертность животных. Например, летом 1916 г. на Северном фронте в месяц в среднем погибало 1460 лошадей из 500 тыс. голов¹⁶.

По мере затягивания военных действий количество пригодных для службы в войсках лошадей стало уменьшаться. На совещании в Ставке по вопросам укомплектования действующей армии лошадьми 26 марта 1916 г. начальник мобилизационного отдела Генерального штаба доложил, что с начала войны взято у населения 70–75 % «числа лошадей, признанных на последней переписи годными для службы в войсках, почему требуется самое бережливое использование сравнительно незначительного остатка лошадей» в 1 млн голов. Было отмечено, что из этого 1 млн только 10 % годны для кавалерии и артиллерии, а прочие 900 тыс. – лишь для службы в обозах. Начальник Государственного коннозаводства П.А. Стахович и его предшественник на этом посту князь Н.Б. Щербатов, подтвердив это мнение, добавили, что сильных лошадей не хватает и в народном хозяйстве, и без того оставшегося без рабочих рук, что требует прекращения формирования новых кавалерийских частей. Помимо прочего, по мнению Стаховича и Щербатова, на сокращение количества годных для службы животных влияет и постановка ветеринарного дела в действующей армии. Были отмечены следующие недостатки ветеринарного обеспечения: «неудовлетворенность постановки ветеринарной помощи и надзора», самостоятельное лечение больных лошадей в войсках и обозах (неохотно сдают в лазареты), «соединение лошадей, больных заразными болезнями, с другими больными лошадьми в отделениях конского запаса фронтов и в ветеринарных лазаретах, особенно при передвижениях». Следствие – «убыль конского состава и развитие заразных болезней, в особенности чесотки, приняли в армии угрожающие размеры»¹⁷.

За два первых года войны в русской армии было ранено и заболело 1,7 млн лошадей, из них 84,5 % вылечено [6, с. 86], что составило около 30 % наличного состава. Основными эпидемическими болезнями стали инфлюэнция, плевропневмония, сепсис, чесотка, трипаносомоз, пироплазмоз и др. В числе недостатков, не мешавших использованию лошадей, указывались неправильные копыта, коринки на глазу, шпаты, бродяжничество, лишай, мокрец¹⁸.

Для сохранения поголовья на будущее (пополнение войск лошадьми в 1917 г. и создание ремонта на 1917/1918 г.) Государственное коннозаводство требовало правильно и своевременно лечить лошадей. Чтобы соблюсти требования сортировки, «излишне реквизируемые лошади» шли в распределительные пункты, причем в комиссиях по сортировке лошадей должны были назначаться и «наблюдающие от Государственного коннозаводства» классные чиновники. На распределительных пунктах лошадей делили на несколько категорий: «1) годные для немедленной отправки в войска; 2) годные для службы в войсках, но требующие подкормки; 3) негодные для службы в войсках – лошадей этой категории отправлять на продажу в один из пунктов по указанию Государственного коннозаводства; 4) подлежащие изоляции – больные заразными болезнями; 5) подлежащие немедленно уничтожению»¹⁹.

⁹ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 343. Л. 176, 194 об.

¹⁰ Там же. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 907. Л. 240.

¹¹ ГА РФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421. Л. 2.

¹² Там же. Д. 521. Л. 118 об.

¹³ Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.

¹⁴ Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 62. Оп. 24. Д. 2. Л. 114.

¹⁵ РГВИА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.

¹⁶ Там же. Ф. 2036. Оп. 1. Д. 779. Л. 463.

¹⁷ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 343. Л. 161–163.

¹⁸ Там же. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 531. Л. 60.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 1. Д. 171. Л. 19.

Исходя из требований Государственного коннозаводства, в тылах фронтов стали создаваться сортировочные пункты. Сортировка лошадей производилась по четырем категориям: 1) «лошади, неизлечимо больные или совершенно негодные; эти лошади подлежат немедленному уничтожению»; 2) «лошади, больные незаразными болезнями или истощенные настолько, что не могут оправдать расходов на лечение или поправку»; их следовало передавать земствам для продажи; 3) «лошади больные, которые могут оправдать расходы на лечение»; их следует лечить в ветеринарных лазаретах; 4) «лошади слабосильные, то есть истощенные, которые могут оправдать расходы по поправке»; их передавать на пункты для слабосильных лошадей. Такая практика преследовала цель «постепенного очищения частей войск от лошадей-инвалидов, не подающих никакой надежды на поправку или выздоровление»²⁰.

Беречь лошадь оказалось делом нелегким, а работать приходилось в военных условиях, когда конский состав выбывал из строя не столько от потерь в боях, сколько от потери сил при выполнении боевых задач. Результаты напрямую зависели от фуражного довольствия конского состава армии. Перед войной конский паек состоял из овса (зерновая часть) и сена (травяная часть), но в годы войны часть фуража для армии, вследствие нехватки овса, стала пополняться ячменем и даже эрзац-продуктами (отруби, жмыхи, кукуруза, жом, меласса, обрат, барда и др.). С весны 1915 г. ухудшение питания конского состава армии стало очевидным фактом: «из внутренних болезней преобладали колики, вследствие нерационального и быстрого перехода от овса к ячменю»²¹, а с 1 мая конский состав внутренних округов вообще перешел на преимущественное довольствие ячменем²², так как овса не хватало и на фронте.

Вдобавок, в 1916 г. обычным явлением стала поставка фронту плохого сена, часть которого активно заменялась соломой. Действующая армия требовала много сена, и поставщики не всегда соблюдали требования военного интендантства. В июле 1916 г. Ветеринарное управление сообщало в Главное интендантское управление, что клевер, люцерна и эспарцет – «при большой даче вызывают у лошадей расстройство пищеварения, сильное потение и слабость. Поэтому эти травы необходимо смешивать с кормовой соломой в отношении двух частей первых на одну часть второй». Из яровой соломы были допустимы только овсяная и кукурузная²³.

После революции дело с поставкой конских пополнений на фронт существенно ухудшилось, так как оказался исчерпанным запас лошадей, пригодных для службы в армии. Помимо того, испытывавшие давление революционных событий коневладельцы стали придерживать своих питомцев для отправки в войска, саботируя указания по поставкам.

Несмотря на намерение Временного правительства продолжать войну, усталость России от конфликта становилась очевидной, что вызывало к жизни проекты и расче-

ты будущей демобилизации. Главные цели демобилизации конского состава: «1) сохранить армии нужных ей хороших лошадей; 2) возвратить русскому населению остальных пригодных для работ лошадей»²⁴. Чтобы предотвратить возможное распространение эпизоотий, Комиссия по приведению армии в состав мирного времени в качестве неотложных мер признала борьбу с заразными заболеваниями. Требование Комиссии – открыть «ветеринарно-бактериологическую лабораторию»²⁵ для сортировки лошадей.

За время Первой мировой войны в русской армии заболело более 2 930 тыс. лошадей, а безвозвратные потери составили более 400 тыс. голов – 30,5 % среднесписочного состава, определяемого в 1 369,6 тыс. лошадей. Эти цифры, правда, не учитывают лошадей различных организаций, работавших на нужды фронта в ближайшем войсковом тылу. Всего в русской армии за годы войны насчитывалось около 1 млн больных лошадей, лечившихся в ветеринарных лазаретах и на пунктах слабосильных лошадей. Ежедневно находилось на лечении 4,6 % от общего числа лошадей [4, с. 43].

Большинство потерь конского состава во всех армиях приходилось на эксплуатационные заболевания, болезни органов пищеварения и гибель животных от эпизоотий. Потери зависели и от фуражного довольствия, поэтому уже с начала войны ослабевшие лошади, поправлявшиеся в отделениях конского запаса фронтов, получали усиленное питание. В свою очередь, сбережение армейских лошадей позволяло использовать их для гужевых перевозок, промышленных и горнозаводских нужд, городских потребностей и, наконец, – для сельского хозяйства страны. Чем меньше было потерь лошадей в армии, тем больше их оставалось для тыла.

Ветеринарная ситуация в отношении поставляемого фронту скота обострялась несколько хуже, нежели с конским составом, которому, естественно, оказывалось предпочтение. Как говорилось выше, помимо наблюдения за конским составом армии и лечения лошадей, войсковые ветврачи осуществляли ветеринарный надзор за убоем скота на фронте и войсковом тылу. Приказом № 100 от 14 октября 1914 г. Главковерх предписал добавить в штаб каждой армии двух ветеринарных врачей для командировок – «в целях установления надлежащего ветеринарно-санитарного надзора в резервных гуртах порционного скота»²⁶. Чем дальше, тем больше эта задача усложнялась по мере роста подвоза скота в армию, вливавшегося в гурты предназначенного для питания войск (порционного) скота [7, с. 8].

В первый год войны особых сложностей с ветеринарным обеспечением порционного скота на фронте не было. Скот поступал из местных ресурсов (реквизиция в прифронтовой полосе) и для питания по мере надобности. Поэтому гурты были небольшими и быстро расходовались войсками, после чего столь же быстро пополнялись. Ситуацию изменили поражения лета 1915 г., имевшие следствием массовую эвакуацию людей и других ресурсов, в том числе и скота, вглубь России.

Важной задачей ветеринарных служб стал контроль за перевозками скота на фронт. Пока перевозки были невели-

²⁰ РГВИА. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 343. Л. 4, 426–427, 474.

²¹ Отчет о деятельности военно-ветеринарного управления временного военного генерал-губернаторства Галиции в период времени с 15-го января по 1-е июля 1915 года. Б.м., 1915. С. 3.

²² РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1405. Л. 101.

²³ Там же. Д. 1585. Л. 285.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 238. Л. 28.

²⁵ Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 383. Л. 1.

²⁶ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1276. Л. 144.

ки, с задачей справлялись успешно. Но с осени 1915 г. местные ресурсы оказались уничтоженными (эвакуация), и фронт стал питаться только за счет подвоза с тыла. Эвакуированный скот прибывал на откорм во внутренние губернии²⁷ «после нескольких месяцев хронического голодания и зараженным злокачественным ящуром, результатом чего была высокая смертность»²⁸. Для поправки больного скота и борьбы с его истощением рекомендовалось применять сильные корма – жмыхи и отруби²⁹.

К сентябрю 1915 г. в армейских тылах скопилось около 800 тыс. голов крупного рогатого скота и столько же овец и свиней. Такое скопление животных немедленно спровоцировало заболевания, возникла опасность распространения и во внутренние регионы страны. В ноябре военные констатировали, что «большой падеж скота в гуртах объясняется тем, что скот поступал от реквизиционных комиссий зараженный ящуром и в крайне истощенном виде. Кроме того, ввиду спешного отступления перенес большие изнурительные переходы; подкормить же его и поправить теперь за неимением кормов на местах и слабого подвоза их по железным дорогам крайне затруднительно»³⁰.

Заболевания эвакуированного скота неминуемо сказались на снабжении войск мясом. Эпизоотии затронули и войсковые гурты (куда передавалась часть эвакуируемого скота³¹). Для их ветеринарного обслуживания имелся штатный ветфельдшер, а общий надзор осуществлял ветврач корпусного продовольственного транспорта. Сами гурты находились в ведении корпусных интендантов. Войсковым ветеринарам приходилось тщательно обследовать каждое животное, чтобы не допустить заражения людей в окопах.

Еще одним важным обстоятельством стали поставки скота из Сибири, Маньчжурии и Монголии, куда еще до войны ежегодно отправлялись ветеринарные экспедиции МВД для борьбы с чумой [8, с. 41], так как везти этих животных следовало через всю страну. В начале октября 1916 г. МВД испрашивало у Совета министров 1,6 млн руб. из Военного фонда на борьбу с эпизоотиями (воспаление легких), заносимыми в Европейскую Россию гуртами казенного скота, закупаемого на востоке страны³², а также в Монголии и Маньчжурии Особой экспедицией («Монголэкс») П.К. Козлова.

Схожее положение складывалось и с поставляемым Кавказской армии скотом из Персии. Для его ветеринарной обработки не хватало ни средств, ни людей. Так, в 1915 г. для снабжения Закаспийской области мясом было разрешено пропустить туда афганский скот. Препятствием являлась опасность возникновения эпизоотий ввиду слабости ветеринарной организации в Туркестане³³. Уничтожение «негодного» мяса осуществлялось «через зарытие в землю и облитие

карболовой кислотой негодного мяса» и «путем облития керосином и сжигания в ямах»³⁴.

17 августа 1916 г. МВД просило председателя Особого совещания по продовольствию выделить средства на борьбу с эпизоотиями скота для армии. Помимо собственно фронта эпизоотии наблюдались во всей прифронтовой полосе: в Минской, Могилевской, Псковской, Витебской, Смоленской, Виленской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Тульской, Тверской губерниях. МВД отмечало, что «необходимость непрерывной подачи к фронтам и примыкающим к ним тыловым губерниям новых партий убойного скота создает постоянный приток к перечисленным местам зараженного скота (преимущественно в стадии скрытого заражения), поддерживающего и распространяющего эпизоотию»; «движение беженского скота, в большинстве случаев не поддававшееся систематизации и надзору». Откликнувшись на эту просьбу, 10 сентября Особое совещание по продовольствию постановило выделить кредит в 1,6 млн руб. из военного фонда³⁵.

С 1916 г. к осмотру животных стали привлекать ветеринарный персонал земств, что было связано с выводом в Европейскую Россию гуртов скота из Заволжья, где нередко были эпидемии легочных заболеваний³⁶. Случаи воспаления легких у скота означали, что он присылается на фронт из местностей, где были эпизоотии. Интенданты просили не присылать такой скот, так как мясо негде хранить – «благословите распоряжением из таких местностей скот не присылать, иначе казна может понести большие убытки от вынужденного убоя». Следовало «высылать только вполне здоровый скот и из здоровой местности, ибо он тотчас по прибытии поступает в общий гурт»³⁷.

До войны скот перевозился по железным дорогам, что сводило эпизоотии к минимуму. Теперь гурты скота часть пути двигались на запад страны своим ходом, что и приводило к заболеваниям животных. На уполномоченных Министрства земледелия возлагалось «устройство при железнодорожных станциях особых фуражных пунктов и надзор за содержанием скота в пути следования»³⁸.

Однако реально мало что было сделано. Проблемы с подвозом начались в октябре 1916 г., когда на эти фуражные пункты, предназначенные для снабжения только скота, стали обращаться следующие на фронт подразделения и команды. Они информировали заведующих фуражными пунктами, что «лошади не получали корма уже несколько дней и доведены недостатком корма до крайнего истощения»³⁹. В итоге предпочтение, конечно, отдавалось лошадям, а не гуртам скота. Результат – усиление эпидемий, истощение животных и голодовки, что угрожало заболеваниями и скоту населения прифронтовой полосы⁴⁰.

Во второй половине 1916 г. ветеринарными службами стали проводиться ревизии гуртов эшелонного скота на фронте, которые шли на пополнение резервных гуртов во-

²⁷ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 666. Оп. 1. Д. 4. Л. 103.

²⁸ Государственный архив Тверской области (ГАТвО). Ф. 800. Оп. 1. Д. 3889. Л. 49.

²⁹ РГВИА. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 292. Л. 238.

³⁰ Там же. Д. 220. Л. 230.

³¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 81.

³² Там же. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 23. Л. 149.

³³ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1576. Л. 472.

³⁴ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 576. Л. 20, 108.

³⁵ Там же. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1528. Л. 1–2 об.

³⁶ ГАТвО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 3949. Л. 16 об.

³⁷ РГВИА. Ф. 2036. Оп. 1. Д. 268. Л. 441, 463.

³⁸ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 618. Л. 5–6.

³⁹ ГАТвО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 20. Л. 73.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 21. Л. 168.

енно-окружных интендантских управлений. Главное упущение, по мнению ветеринаров, – «отсутствие должной организации питательных пунктов, вследствие чего скот недостаточно питается в пути и падает от истощения». Кроме того, отмечалось распространение ящура и плохой водопой. Здесь негативную роль сыграло разное ведомственное подчинение. Фуражные пункты при станциях организовывались Министерством земледелия, а водопой – управлениями железных дорог⁴¹.

В 1917 г. положение вещей с ветеринарным обеспечением гуртов порционного скота, как и скота, поставляемого в армию, особенно не ухудшилось. Во-первых, установилась система обеспечения и надзора. Во-вторых, отсутствие крупномасштабных сражений по сравнению с предшествующим годом (Брусиловский прорыв) предполагало достаточно спокойную работу ветеринаров. Поэтому и в кампании 1917 г. живой скот составлял большую часть подвозимого для нужд действующей армии мясного пайка для войск.

Однако из-за ухудшившегося качества корма, сокращения подвоза фуража на фронт и распространения эпизоотий животные, закупаемые для фронта, нередко были «в очень плохом теле, с большими отеками ног, с признаками катаров желудка и т.д. экземы, лишай – становятся обычным явлением»⁴². Соответственно, увеличилось и число выбракованных животных. Что касается лошадей, то развал армии влиял и на распространение заболеваний у животных: к концу 1917 г. количество лошадей, больных сапом, насчитывало 8,7 % состава против 0,06 % до войны [9, с. 311].

Таким образом, ветеринарное обеспечение войск в период Первой мировой войны стало важным условием сохранения конского состава войск и снабжения фронта живым скотом, шедшим в войсковые расходные гурты. Более 11 млн лошадей приняло участие в военных действиях на театре военных действий [5, с. 108], и около 32 млн голов скота было поставлено на фронт. Ветеринарная служба Российской империи постоянно испытывала нехватку кадров, однако сделала все возможное, чтобы успешно выполнить поставленные перед ней задачи по обеспечению действующей армии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Первая мировая война 1914 – 1918 годов: в 6 т. М., 2017. Т. 5: Экономика и оружие войны. 848 с.
2. Минева Т.И. История ветеринарии: учеб. пособ. СПб., 2005. 382 с.
3. Коропов В.М. История ветеринарии в СССР. М., 1954. 368 с.
4. Военной ветеринарии Вооруженных Сил 300 лет. М., 2007. 464 с.
5. Петуховский А.А. Ветеринарная служба в современной войне // Военная мысль. 1940. № 10. С. 108–114.
6. Никитин И.Н., Калугин В.И. История ветеринарии. М., 1988. 191 с.
7. Попов В.И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914–1918 гг. (по архивным материалам). М., 1942. 20 с.
8. Гринцер С.Г. Современное положение ветеринарного дела в России. СПб., 1914. 377 с.
9. История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955. 327 с.

REFERENCES

1. Shoygu S.K. (ed.) The First World War of 1914–1918. Moscow, 2017, vol. 5: War economics and weapons, 848 p. (In Russ.)
2. Mineeva T.I. The veterinary medicine history: a textbook. Saint Petersburg, 2005, 382 p. (In Russ.)
3. Koropov V.M. The veterinary medicine history in the USSR. Moscow, 1954, 368 p. (In Russ.)
4. The 300 anniversary of the military veterinary medicine of the Armed Forces. Moscow, 2007, 464 p. (In Russ.)
5. Petukhovskiy A.A. The veterinary service in a modern war. *Voennaya mysl'*, 1940, no. 10, p. 108–114. (In Russ.)
6. Nikitin I.N., Kalugin V.I. The veterinary medicine history. Moscow, 1988, 191 p. (In Russ.)
7. Popov V.I. Meat supply for the Russian army in the First World War of 1914–1918 (according to archival materials). Moscow, 1942, 20 p. (In Russ.)
8. Grintser S.G. Modern situation of veterinary affairs in Russia. Saint Petersburg, 1914, 377 p. (In Russ.)
9. Milovskiy M.P. (ed.) History of rear and supply of the Russian army. Kalinin, 1955, 327 p. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.06.2018

⁴¹ ГА РФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 584. Л. 6–8, 33.

⁴² РГВИА. Ф. 8020. Оп. 1. Д. 1160. Л. 106.